

Бог на велосипеде и непростой разговор о взрослении

Видео с премьеры
спектакля
смотрите здесь:



28 ноября в Мотыгинском драматическом театре состоялась, пожалуй, одна из самых интересных и сложных премьер сезона. Спектакль по пьесе Ирины Васьковской и Дарьи Уткиной «Бог ездит на велосипеде» получился жестким, честным и лишенным «розовых очков» разговором о взрослении.

Режиссером-постановщиком спектакля выступила Дарья Кламм, больше известная зрителям как актриса театра. Для неё это первый опыт работы с настолько сложной, но в то же время очень актуальной темой. Мы встретились с Дарьей Максимовной, чтобы обсудить, почему современные подростки не понимают сленг из пьес, кто такой Бог на велосипеде и почему на показах одни зрители чуть не плакали, а другой зритель ушёл из зала.

- Дарья Максимовна, зрители знают вас, прежде всего, как актрису. Режиссура для вас - это логичное продолжение карьеры или, скорее, производственная необходимость?

- Знаете, это сложная история. Я ведь училась именно на режиссера, но в театр пришла как актриса. Долгое время мне казалось, что я никогда не буду ставить спектакли. Меня это в принципе не привлекало. К тому же я видела, в каком стрессе находятся режиссеры, как это тяжело эмоционально, и думала: «Нет, это не мое». Да и человек я стеснительный, мне сложно говорить что-то напрямую малознакомым людям, а режиссура требует именно этого - умения донести свою мысль до зала.

Но так вышло, однажды мне предложили: «Раз ты режиссер, может, поставишь детский спектакль?» Первым опытом стала сказка «Лепестки желаний», которую мы выпустили этим летом. Тогда я поняла всю прелесть профессии режиссера. Но «Бог ездит на велосипеде» - это, конечно, совсем другой уровень сложности и ответственности.

- «Лепестки желаний» - это светлая, добрая история. Почему сейчас вы шагнули в такую острую, почти депрессивную подростковую тему?



Дарья Кламм - актриса, режиссер-постановщик спектакля «Бог ездит на велосипеде»

- Передо мной стояла задача поставить спектакль именно для подростковой аудитории. И тут мы столкнулись с проблемой: хороших пьес про современных детей очень мало. Читаешь тексты драматургов и испытываешь испанский стыд. Авторы пытаются заигрывать с молодежью, используют сленг: «Чё, тельчик смотришь?», «Чё, мутишь?»... Но современные подростки так не разговаривают! Это выглядит фальшиво.

Пьеса «Бог ездит на велосипеде» зацепила меня своей честностью. Там нет заигрывания. Это зарисовка из жизни - жесткая, но правдивая. Мы прочитали ее с актерами несколько раз, прежде чем начали понимать, что вообще происходит. Эта сложность, эта «непонятность» меня и привлекла.

- Спектакль получился визуально очень темным, мрачным. Это принципиальное решение?

- Абсолютно. Я вспоминала свой подростковый возраст и поняла, что почти ничего из него не помню. У многих так: подростковый период в памяти остается какими-то отрывками, вспышками, а общий фон - темный, тусклый. Мне хотелось передать именно это ощущение провала в памяти, из которого лучом света выхватываются отдельные фигуры - отец, мать, друзья.

Мы использовали зеркальные вставки в декорациях. Герои часто обращаются к ним, пытаются заглянуть внутрь себя, но видят лишь темноту. А другие люди просто проходят мимо этих зеркал.

Бог на велосипеде и непростой разговор о взрослении

Окончание. Начало на 23-й стр.

Это метафора одиночества: ты пытаешься понять, кто ты, а мир вокруг тебя даже не замечает.

- Название «Бог ездит на велосипеде» звучит загадочно. Как вы для себя расшифровываете эту метафору?

- В пьесе есть момент, когда героиня Наташа говорит психологу эту фразу, а тот ее просто обесценивает, пропускает мимо ушей. Для нас эта метафора многогранна.

Во-первых, велосипед не может устоять на месте - он упадет. Чтобы ехать, нужно постоянно двигаться вперед. Это символ жизни и надежды. Во-вторых, Бог для каждого свой. Например, для Наташи Богом был ее брат, который всегда направлял ее. Когда брата не стало, этот «велосипед» остановился. Есть и более циничная трактовка: Бог занят своими делами, катается где-то на велике, и ему нет дела до наших проблем.

Но в финале мы все-таки выводим ге-

роев к свету. Наташа и Кирилл находят друг друга. Они становятся опорой друг для друга, тем самым «велосипедом», который позволяет двигаться дальше.

- В зале я видел и взрослых, и детей. Реакция была очень разной. Кто-то смеялся, когда было смешно, а кто-то весь спектакль просидел с каменным лицом. Вы уже получили обратную связь?

- Реакция действительно полярная. Взрослые в отзывах написали, что узнали себя, и им стало стыдно. Одна женщина так и призналась: «К моему стыду, я увидела все свои ошибки». То есть, спектакль сработал как зеркало для родителей.

Но было и другое. На втором показе 23-летний парень просто встал и вышел из зала. Когда его спросили, почему он так поступил, он ответил: «Раньше проблемы решали подзатыльником, и всё было нормально. А я не могу смотреть, как с ними нянчатся и водят к психологам». Показанное его возмутило. То есть, это конфликт поколений в чистом виде.

А вот от подростков «прилетают» очень трогательные отзывы. Одна девочка передала через маму: «Мы правда так выглядим в глазах взрослых. Это про нас». Другая написала, что готова бесконечно благодарить нас за то, что мы их, подростков, услышали.

- В спектакле поднимаются тяжелые темы: буллинг, непонимание, одиночество. Не было страха пережить палку?

- Я бы, может, сделала даже еще жестче. Современных детей трудно удивить, у них гигантский поток информации из интернета, их чувствительность к ней притупляется. Чтобы до них достучаться, иногда нужно говорить громко и резко.

Например, в спектакле я специально подобрала монотонную, давящую музыку. В сцене вечеринки один трек играет минут десять. Он начинает раздражать, давить на уши. Но этот прием помогает создать то самое тягостное ощущение безысходности, которое часто бывает у подростков. Но при этом мы показали и путь к надежде. Финал у нас светлый: герои выросли, преодолели кризис.

- Дарья, вы сказали, что сами с трудом вспоминаете себя подростком. А каково было взрослым актерам сыграть детей?

- Это было непросто. Мы обсуждали с ними их опыт, и многие также говорили: «Я ничего не помню». Приходилось искать эти ощущения заново. Но мне кажется, нам удалось нащупать эту хрупкую грань, когда относительно взрослый человек может сыграть подростка.

- Сегодня всё чаще говорят о том, что театр становится местом разговора о сложных переживаниях. Как вы сами относитесь к этому?

- Театр сегодня должен быть разным. Кто-то приходит в театр развлечься, и это нормально. А кто-то, как наши герои, ищет ответы на сложные вопросы. Если после нашего спектакля хотя бы один родитель попробует поговорить со своим ребенком не «с позиции силы», а просто спросит: «Почему ты так это воспринимаешь, почему ты так чувствуешь?» - значит, мы работали не зря.

Борис ШАКУРОВ (АП)

